

18+

Дмитрий Коробков

ОДНА НОЧЬ

Сборник рассказов о любви

Дмитрий Коробков
Одна ночь. Сборник
рассказов о любви

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22058627
ISBN 9785448340277*

Аннотация

Сборник рассказов о любви и любовных похождениях. Любовь – необычное чувство, которое приходит, как наваждение, подчиняя себе мысли и поступки людей. Любовные похождения – совсем иное... В этом сборнике вы познакомитесь с разными историями: счастливыми и не очень, необыкновенными приключениями и историями с ожидаемым финалом. Однако, что может быть ожидаемо, когда любовь?

Содержание

Одна ночь	5
Финики	17
На картошку!	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Одна ночь

Сборник рассказов о любви

Дмитрий Коробков

© Дмитрий Коробков, 2019

ISBN 978-5-4483-4027-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Одна ночь

Как, это всё началось? Ещё, кажется, вчера я вёл беззаботную, хотя и весьма насыщенную жизнь. Меня мало заботили собственные чувства, а уж чувства чужие, мне вообще были безразличны. Я просто жил, как говорится, «сегодняшним днём». Старался выжимать всё до последней капли из каждого прожитого дня. Подзарабатывал иногда на «халтурках» лишних денег, чтобы потом весело спустить их в каком-нибудь кабаке, в компании симпатичной пассии. Всякие там чувства, или любовь отсутствовали в моём понимании, и даже отдалённо не брезжили на жизненном горизонте. Меня вполне устраивали кратковременные отношения без каких-либо обязательств. Две – три недели были достаточным сроком. Любой намёк со стороны подруги на роман с долгоиграющими планами приводил к мгновенному прекращению всех отношений. Связывать себя какими-то там чувствами я считал неинтересной глупостью. Ведь вокруг столько симпатичных девиц. Оттого я частенько крутил свои амуры с двумя, или тремя девушками одновременно. Правда, иногда, брал перерыв.

Но разве эти чувства будут спрашивать: когда им приходится, а когда нет? Как произошло то, что совершенно обычная знакомая, известная мне не первый день, вдруг стала смыслом моей жизни. Это не было любовью в первого взгляда

да. Не было и постепенного привыкания. Всё произошло внезапно, я даже не осознал, как. Словно меня околдовали, опутали, приворожили. В груди защемило жгучей страстью, а голова пошла кругом... В безнадежность своего положения мне не хотелось верить. Однако, рассудок, здравый смысл, – всё захлестнула огромная волна любви. Она просто смыла меня с уютно облюбованного и бесчувственного пляжа в бурлящий водоворот чувств. Внезапно оказавшись в любовном океане, я утопил сознание в пучине грёз и розовых мечтаний. Юношеский максимализм стал вдруг рисовать радужную перспективу счастья. Но реальность непреклонно диктовала иное. А я плыл по течению, иногда совершая безумные попытки преодолеть его. Потом, снова отдавался силе стихии, блаженно ловя каждое мгновение с ней, подаренное мне судьбой. Невозможно было только одно – вновь выбраться на берег. И я плыл...

«Суббота. Последняя майская суббота, – посмотрел я на календарь, – такая долгожданная для меня, но такая мучительная. Ждать и догонять – самое неприятное занятие. А ждать пришлось весь день. Нет, ждал-то я целую неделю! Но только сегодня день был особенный, выходной. В свете рабочих будней гораздо проще коротать время. Субботний день тянется неприлично долго! Иногда сердце в груди начинает колотиться огромным барабаном только от одного предчувствия того, что должно произойти этой ночью. Потом успокаивается. Ждать и догонять... Догонять тоже мне

придётся. Или пытаться догнать и поймать всё упущенное. Поймать и вернуть себе. Но почему „упущенное“? Я ничего не упустил! Просто так сложилось, что мы с ней не встретились раньше. На много раньше. Не могли встретиться».

Эту субботу пришлось ждать целую вечность, которой показалась прошедшая неделя. Ровно неделя отделяла от прошлого воскресенья.

Наскоро поужинав, я вышел из дома. Ноги сами понесли меня к железнодорожной платформе. Я шёл, то ускоряя шаг, то взглянув на часы, замедлял его. Вышел из дома заблаговременно, не в силах более томиться ожиданием. Теперь приходилось останавливать свой собственный порыв, ведь раньше условленного времени приезжать было нельзя. Можно было бы поехать на метро, что увеличивало время в пути. Но замкнутое пространство подземки душило. Волнению, переполнявшему грудь, нужен был простор. Тамбур электрички позволял смотреть в окно на проносящиеся мимо пейзажи, и курить.

В этот вечер на платформе немногочленно. Все, кому надо было куда-то ехать, – уже разъехались.

«Через пятнадцать минут я буду почти на месте. Сколько сейчас время? – посмотрел я на часы, – ещё рано. Может быть, автобуса долго не будет? Вот уже электричка».

Время в пути пронеслось незаметно. Знакомая платформа. Переход к автобусной остановке. Обычно, когда очень торопишься, ни автобусов, ни троллейбусов не дождаться.

Всегда они где-то задерживаются, и ходит крайне редко, битком набитые пассажирами. А когда располагаешь временем, полупустой городской транспорт шныряет один за другим. Вот и теперь, автобуса ждать не пришлось.

Я решил выйти из него на две остановки раньше, чтобы пройтись пешком. «Снова примчался раньше времени, хоть останавливал сам себя. Но, как остановиться, когда ноги сами несут? Как остановиться, когда в груди всё колотится, как часы, отбивая бой, отсчитывая часы, минуты»?!

Дождавшись, наконец, условленного часа я подошёл к телефону – автомату. «Вот он, – мой связной». В кармане заранее разменянные «двушки». «Пора звонить». Я, уже выучил наизусть особенность этого таксофона, «глотающего» монетки. Набрал номер, придерживал двухкопеечный медяк пальцем, чтобы тот не провалился раньше времени. От волнения слегка вспотели ладони. После двух гудков трубку подняли, и аппарат сработал.

– Алло.

Я отпустил палец, и монета скользнула в аппарат, – он сработал во второй раз.

– Алло? – ещё раз прозвучал знакомый голос.

– Я приехал.

Трубку положили. «Ещё полчаса и можно подниматься». Приближаясь к подъезду, я вновь почувствовал волнительное сердцебиение. Код домофона отворил мне входную дверь. На лифте поднялся двумя этажами выше нужного, по-

сколькy в тишине спящего дома звук лифтовых дверей становится особенно громким. Вышел на лестничную клетку. Спустился ниже на один этаж. «Отсюда хорошо видна дверь внизу, которая должна открыться, но сам я останусь неприметным, если появится незнакомое лицо. Здесь можно покурить в ожидании».

Минутная стрелка, как приклеенная к циферблату часов, еле двигалась. Наконец, дверь приоткрылась, и показала она:

– Пойдём.

Она быстро провела меня к своей квартире сквозь коридор с соседними дверями. Мы зашли, тихо закрыв за собой дверь. Она приложила палец к своим губам, жестом направив меня в открытую дверь комнаты. Разувшись, я прошёл, ожидая её. Через минуту появляется она.

– Только что заснули, – прошептала она, подойдя ко мне.

– Милая, – я взял её руку, нежно целуя, прижимаясь к своим губам.

– Садись, – продолжает шептать она, усаживая нас на диван, – чаю хочешь?

– Нет, что ты, – так же шепчу я, не сводя с неё глаз.

– Чем занимался?

– Ждал вечера.

– Что, вот так, сидел и ждал?

– Не помню точно, что-то делал, наверное... Но всё это не важно...

– А, что важно?

– Только ты!

– Так нельзя. Тебе нужно найти себе кого-то.

– Я уже нашёл.

– Это всё глупости. Я тебе не нужна.

– Не говори так. Ты единственная, кто мне нужна.

Я повернулся к ней вполоборота, крепко взяв за плечи, и притянул к себе.

– Так я же не единственная, – пытается сказать она, хоть всё её существо, не слыша саму себя, покорно поддаётся моему влечению, – у меня дети, муж, ты помнишь?

– Я же говорил тебе, что усыновлю детей. Разводись.

– Глупенький...

В её улыбке скорбная печаль. И я, не дав ей договорить, прикрываю сладкие уста своим страстным поцелуем. Прижимаю к себе с неукротимой, но нежной силой. Мягкие губы любимой отвечают взаимностью.

«Боже мой! Как я её люблю! Всё отдать за неё...»

Она, повинувшись своему чувству, высвобождает любовную страсть. Её губы, щёки, волосы, вся она теперь его, а он её. Нет в этот миг больше никого и ничего на свете кроме них.

Моя рука, проскальзывая вниз, развязала пояс на её халате. Она, легко сбросив его, торопливо расстёгивает пуговицы моей рубашки. Сняв её через голову я, наконец, смог прильнуть к её обнажённому телу. Мы повалились на диван...

– Я так люблю тебя милая, ты даже не знаешь!

– Знаю, – с горечью в голосе говорит она, поправляя мне растрёпанные волосы.

– Я хочу жить с тобой, а не встречаться украдкой.

– Я тоже. Но ведь это...

– Ты любишь меня? – прервал я её.

– К несчастью... Стала бы я так рисковать, устраивая наши встречи?

– Не знаю...

– Пойдём на кухню, пить хочется. Тебе чай, или кофе?

Она накинула на себя халат. Я нашёл у дивана джинсы, быстро натянув их на голое тело. Мы тихо прошли мимо детской комнаты в кухню. Женщина поставила чайник на плиту. Закурила.

– Во что налить воды? – спросил я.

– Компот хочешь? Очень вкусный.

– Верю. Нет, мне простой воды.

– Вот, – она подала стакан с кувшином воды, – а знаешь, есть медовуха собственного приготовления. Попробуешь?

Я выпил воду залпом.

– Давай попробуем, – закуривая, согласился я, – никогда не пробовал.

Она достала из шкафчика бутылку тёмного стекла и налила в две рюмки мутной жидкости. Свет в кухне не зажигали, но уличные фонари достаточно освещали всё пространство. Мы чокнулись, и выпили по рюмке.

– Вкусно. И ты сама её делаешь?

– Почти сама, – она села на стул, усаживая меня рядом с собой, – у родителей есть несколько ульев. А соты после откачки мёда заливаем водой, остатки перебраживают.

Мы сидим с ней на кухне, глядя друг другу в глаза, разделяемые углом стола. Наши руки нежно держатся вместе. Нам ни на минуту не хочется отпустить друг друга, ведь эти встречи так редки, и так быстротечны.

– Ты, что вдруг загрустил? – ласково и участливо спросила она.

– Знаешь, я иногда чувствую себя вором. Ты всю неделю с мужем, а мне остаётся только эта ночь. Одна ночь!

– Тебе не нравится?

– Что ты, милая! – поспешил оправдаться я, притягивая к себе её нежные руки, – что ты, – склонив свою голову навстречу им, и став целовать их, – что ты? Я счастлив, быть с тобою хоть сколько-нибудь, сколько скажешь... Но я счастлив, и несчастлив я...

Прижавшись к её рукам, я замер. Потом подняв голову проговорил:

– Вот тут, кстати, я тебе стихи новые написал, с таким же названием.

– Хорошо. С каким названием?

– «И счастлив, и несчастлив я».

– Давай, я с удовольствием прочту.

– Кажется, в рубашке остались, – хлопнув себя по джинсам, вспомнил я, – в кармане рубашки.

– Мне очень понравились твои прошлые стихи. Я их часто перечитываю. Спасибо, – она встала, подойдя к плите с закипевшим чайником, – тебе чай, или кофе?

– Кофе.

Заварив растворимый кофе, она поставила чайник, но осталась неподвижно стоять у плиты. Я неотрывно глядя на неё, заметил это замешательство. Встал. Подошёл к ней сзади. Обхватил руками в кольцо её плечи, прижимая к себе. Она откинула голову назад, мне на плечо.

– Что с той, милая моя?

– «Одна ночь», – процитировала она мои слова, сказанные раньше, – а ведь она у нас с тобой последняя.

– Как последняя? Что-то случилось?

– Да. Я больше не смогу отправлять мужа к своим родителям на выходные. Он им там всё доделал. И вообще мы теперь все вместе поедem к ним в отпуск. Они очень ждут и меня, и внуков... Так что, эта ночь у нас с тобой последняя.

Пауза повисла в ночи. Ни возражать, ни опровергнуть данную новость мне было нечем. Ещё с минуту мы стояли молча.

– Пойдём, – вдруг повернулась она, крепко взяв меня за руку.

Она увела меня обратно в комнату. Мы страстно любили друг друга почти до изнеможения.

Вернувшись на кухню, выпили холодный кофе. Закурили.

– Боже мой, ну где же ты был раньше? – вдруг вырывается

у неё с болью, – ну найди же ты себе кого-нибудь, прошу тебя.

– Я не могу жить без тебя, – провёл рукой по её волосам.

– Ну, что мне с тобой делать?

– Выйти за меня замуж.

– Ты, помнишь, что я старше тебя?

– Это не важно.

– Я знаю, что для тебя это не важно. Но это важно для меня.

– Почему?

– Да потому, что через несколько лет я постарею, а ты всё также останешься молодым и красивым.

– Я тоже постарею.

– Брось, – грустно улыбнулась она, – ты ведь понял, о чём я говорю. Ты будешь на молоденьких смотреть, а я, сидя дома сходить с ума от ревности.

– Не буду. Ты у меня одна.

– А дети? Ты разве своих детей иметь не хочешь?

– Ты мне родишь.

– У меня уже есть двое.

– Будет трое.

– Какой ты упрямый. Я старая для тебя!

Она посмотрела мне в глаза с преданной щенячьей любовью. С надеждой на то, что я хотя бы попытаюсь образумиться. Но, видимо мой взгляд «сказал» ей обратное. Она с грустью взяла мои руки в свои:

– Зачем ты тогда пошёл провожать меня? – она уткнулась в моё плечо, – что ты нашёл во мне?

Её волосы оказываются перед моим лицом. Сладостно вдыхая их аромат, я бережно погладил их.

– Что же нам делать, милая?

– Не знаю. Отпусти ты меня. Женись, что ли уже на ком-нибудь. Ну, неужели тебе девок не хватает? Ведь табунами за тобой бегают, я знаю.

– И жить без любви?

– Но я живу.

– Зачем? Кому всё это нужно, чтобы мы так мучились?

– Моим детям. Мой муж меня очень любит. Дети любят его. Я не могу всё бросить.

За окном стремительно светлеет. Майская ночь растаяла в солнечных лучах. Лишь воскресное утро оставляет улицы города безлюдными.

– Скоро пять часов. Тебе пора уходить.

– Да, я знаю.

– Иди, пока соседи не зашевелились.

– Я иду.

– Приедешь, спать ложись.

– Спать?

– А я лягу. Дети встанут, спать не дадут.

– Ты позвонишь мне?

– Позвоню. Иди.

Она обвила мою шею своими руками и целует так, будто

прощается со мной навсегда. Впрочем, мы каждый раз прощаемся с ней навсегда.

Финики

Ещё до отъезда Николай предвкушал свой будущий отдых. Его радовала не только мысль об отдыхе на морском побережье, но и о самой поездке на поезде. Ибо уже с поездке в поезде начинается отпуск. Всё лишнее остаётся на перроне вокзала. Этот вид транспорта, перемещает тебя в пространстве, сочетая дорогу с маленькими развлечениями. Можно ехать и одновременно гулять по вагону, сидеть или спать в купе, курить в тамбуре, глядя на мелькающие за окном пейзажи, обедать и, конечно же, читать давно отложенную для этого книгу. Тем не менее, проводница непременно сообщит о прибытии поезда в пункт назначения, и что пора покинуть гостеприимный вагон. И если ты не едешь из Калининграда во Владивосток, то поездка в поезде может принести удовольствие.

На вокзале Николая не провожали. Он уже давно жил один. С женой они расстались, когда единственный сын женился и стал жить отдельно. Его размеренная жизнь приближалась к сорокапятилетию юбилею. Новых планов он не строил и приключений не искал, а жил как-то по инерции, что не мешало ему чувствовать себя вполне удовлетворённым.

Поезд тронулся. Соседям по купе Николай приветливо улыбался, не вникая в суть их беседы, и не обращая особого внимания на всё происходящее. Он неторопливо прохаживался в тамбур на перекур, а возвращаясь, устраивался на верхней полке и читал книгу. Вечером, Николай посетил вагон – ресторан с его незамысловатым меню. Возвращаясь после ужина, задержался в тамбуре. Вдоволь насмотревшись в окно, он вернулся в своё купе, где безмятежно заснул на верхней полке под монотонный стук колёс отпускного поезда.

На следующий день, состав прибыл в пункт назначения. Бодрой походкой со спортивной сумкой на плече Николай вышел на вокзальную площадь искать остановку маршрутки с требуемым номером. Наличие санаторной путёвки придавало его хорошему настроению еще и беззаботной уверенности. Приморский город встречал отпускника солнечным теплом. Разместившись в номере, требовалось посетить врача для назначения процедур. Поскольку Николай был практически здоров, соответственно своему возрасту и образу жизни, то и назначенные процедуры носили скорее профилактический характер. Покончив с формальностями, он отправился здороваться с морем на набережную.

Территория санатория была невелика, но имела свой пляж. К вечеру стало штормить, и о том, чтобы с головой

окунуться в море вопрос не стоял, но закатав джинсы по колено, он смело шагнул в воду. Приятная пенящаяся прохлада остудила его ноги. Коля бродил по кромке моря, устремляя свой взор к горизонту. Граница бескрайности завораживала. Но вдруг, одна из более активных волн превысила уровень его закатанных джинсов. Николай отскочил на пару шагов назад, решив, что для первого раза – вполне достаточно. Обулся и только теперь заметил одиноко сидящую женщину. Она устроилась на сложенных деревянных лежаках. Её взгляд, казалось, смотрел сквозь него, не замечая, в море. «Или куда она смотрит? – подумал Николай, – и что это за дрова такие? Теперь везде пляжное хозяйство из пластика». Он прошёл мимо, разглядывая облупившиеся голубой краской лежаки с сидящей на них женщиной. Ей было лет тридцать с небольшим. Её светлые распущенные волосы мягко отзывались на каждое дуновение ветерка. Открытое лицо женщины казалось отрешённым от всего земного. Он уже прошёл мимо незнакомки и только потом, через несколько шагов, обернулся. Она всё также сидела, опершись обеими руками чуть позади себя, подняв голову навстречу морскому бризу. Николай посмотрел на закатанный джинсы и медленно продолжил свой путь в корпус.

Утром следующего дня, за завтраком он вновь увидел эту женщину. Волосы были заколоты, на ней была другая одежда, но это была она. Николай взглядом сопровождал её до сто-

лика. Две женщины и два ребёнка сидели вместе. «Две подружки с детьми, – констатировал он, – или здесь познакомились, не важно...». Но завтрак, как-то уже незаметно отошёл на второй план. «Вчера вечером он почему-то вспоминал её перед сном, сидящую у моря... Теперь вот: снова она, в соседнем ряду, чуть впереди, перед глазами. Два столика вперёд и один в сторону, как ходит конь в шахматах, – почему-то подумалось ему». За его столиком тоже сидела семья с ребёнком. Николай внимательно оглядел ресторан и заметил большое количество детей. Пожилых людей почти не было. Немного молодёжи. Большую часть составляли люди среднего возраста с детьми. «Каникулы закончились, – соображал он, заканчивая завтрак, – прогульщики».

Первые дни Николай посещал соленые ванны, какие-то магниты, читал, гулял, но постоянно сталкивался с той женщиной. Чаще он видел её с детьми и подругой, реже только с детьми, а одну, наверное, только в день своего приезда, тогда на берегу. Если он не встречался с этой незнакомкой, то испытывал некий дискомфорт, начинал волноваться и искать её глазами. И только найдя, успокаивался.

И вот однажды, на экскурсии в местный дендропарк, она вдруг оказалась одна. Подойдя к ней, он решился заговорить.

– Красиво! Эти финики тоже съедобные? Я, прослушал...

– Попробуйте, – вполоборота сказала она, чуть улыбнувшись.

– Ну, я на пальму не полезу, а с земли как-то неудобно. А Вы сегодня без детей и подружки?

– Это моя сестра с детьми. У них сейчас процедуры.

– Я не представился, Николай, а Вас как зовут?

– Елена Сергеевна, – протянула она руку, повернувшись, и глядя ему прямо в глаза добавила, – Лена.

– Коля, – улыбнулся он смущенно от неожиданности её взгляда и звучания собственного имени.

За неспешной поначалу беседой они потеряли экскурсию из виду, и уже просто гуляли по дендрарию, не обращая внимания на коллекционные растения. Обменявшись краткой информацией о себе, они говорили о санатории, море, детях, и ещё о многом другом, словно им нужно было непременно успеть именно сейчас, рассказать друг другу всё. О своём и чужом, о мыслях и мечтах, о погоде, наконец. Уже скоро они разговаривали, как старые знакомые, шутили и смеялись. Остановились в уличном кафе, пропустили своё обе-

денное время в санатории, словно не хотели туда возвращаться.

Уже этим вечером санаторная жизнь Николая круто переменялась. Детской дискотеке ему удалось избежать, но во взрослых танцах пришлось принять самое активное участие. Коля словно вернулся лет на двадцать назад. Он уже был уверен, что дискотечный период его жизни давно позади. Не возникало не только желания, но даже мысли об этом, до сегодняшнего дня. Вдоволь натанцевавшись, новые знакомые попрощались до завтра. Поток информации, впечатлений и физических нагрузок обрушившиеся сегодня на Николая привели его в санаторную постель с усталой, но блаженной улыбкой на лице.

Их знакомство стремительно развивалось, волшебным образом меняя окружающий мир. Менялись парк, море, небо, но главным образом менялись они. Каждый завтрак с их неизменной встречей был, теперь столь желаем и радостен, что казалось, без него просто остановилась бы жизнь. Процедуры были забыты, их посещала только её сестра с детьми. Николай с Леной ходили в бассейн, поскольку перемена в погоде с сильными волнами не позволили купаться в открытой воде, а только фланировали вдоль морского побережья. Иногда они уходили гулять по городу или уезжали на экскурсии. Главным и единственным условием для их поездок бы-

ло то, что они вместе. Вечерами они подолгу гуляли в парке у моря. У них даже появилась своя любимая скамейка в тени южных растений. Николай нежно обнимал Лену за плечи, а она держала его другую руку, словно боясь отпустить. В её красивых и по-детски больших глазах отражалось тонущее в море Солнце. Светлые искрящиеся волосы благоухали необыкновенным дурманящим ароматом. Голос, неподражаемо мелодично струился, прерываясь головокружительными паузами. Николай словно пребывал в ином измерении. Где-то в подсознании, временами всплывали попытки здравого рассуждения, но они захлёбывались в его чувствах и он тонул. «Неужели влюбился? Как глупо! Как это вообще возможно? – спрашивал он сам себя, – я давно забыл, что такое любовь. Какое сильное, но беспощадное это чувство. Зачем оно мне? Я не хочу её обидеть, но не могу уже уйти. Неужели я ещё способен на что-то подобное»? Он с трепетом юноши целовал её на прощанье и уходил ждать нового рассвета, новой встречи с Леной. Николай словно оберегал их нежные чувства, боясь перешагнуть через роковую черту. Она стала очень дорога ему.

Утром, после завтрака, они пошли кормить чаек.

– Мы завтра уезжаем, – тихо сказала Лена, опустив голову.

– Как? – в недоумении остановился он.

Оказалось, что за всё время общения они даже ни разу не говорили о сроках своего отдыха и об отъезде. Вдруг теперь словно током, дрожью, обрушилась эта фраза на Николая. Он не знал, что сказать. Куда двигаться. Его глаза казалось, хотели вылезти из тесной и глупой головы. Лена тоже остановилась, глядя себе под ноги. Николай, очнувшись, молча подошёл к ней, крепко сжав её нежные плечи своими руками. Он будто хотел подавить то чувство, которое комом застыло в нём. Они стояли так молча некоторое время.

– Пойдём, чаек кормить, – сказала Лена сдавленным голосом.

Он уже не звучал, так как прежде, а Николай и вовсе потерял дар речи. Они молча бросали птицам кусочки хлеба, взятого из ресторана, а морской ветер, казалось, залетал до самой глубины опустошённой души с особым остервенением. Самыми глупыми и нелепыми сейчас могли звучать только заверения в скорой встрече, после возвращения с туманной перспективой отношений. Однако подумать, а тем более поверить в то, что на этом всё вот так и закончиться он просто не мог. «Но что думает она? Почему молчала раньше, сказала только теперь? Я не спрашивал или ей самой...», – мысли с вопросами перемешались в голове, – бред! Мы, что, больше никогда не увидимся?»

Подошли сестра и дети. Их голоса и погоня за чайками вернули Николая из временного замешательства.

– У Вас какие планы на сегодня, – наконец выдавил он из себя, – собираться будете?

– Нет. Поезд завтра поздно вечером, – как-то вдруг по-детски задорно откликнулась Лена, резко повернувшись и отряхивая ладоши, – завтра и соберёмся! А сегодня мы просто отдыхаем, но если хочешь, можешь пригласить меня на прощальный ужин!

Она спрыгнула с бетонной возвышенности присев на корточки рядом с племянниками.

Они ещё какое-то время собирали ракушки и камешки на память. Пытались играть в огромные шахматы на веранде. Говорили не понятно о чём, пытались смеяться.

Прощальный ужин устраивали в два этапа. Сначала в кафе – мороженое на пятерых, потом по-взрослому, – на двоих. Теперь они разговаривали мало и совсем по-другому. Обменялись телефонами и адресами. Пили сухое вино. Не пропустили ни одного медленного танца. Весь вечер держались за руки. Вернулись в санаторий уже совсем поздно. Расстать-

ся было невозможно. Невыносимая щемящая боль терзала души. Они смотрели друг другу во влажные глаза. Её сладкие губы то целовали его, то шептали что-то нежное и ласковое, обволакивая горячим дыханием. Он сам целовал её, шепча слова любви и преданности. Лена осталась у Николая.

На завтрак они не пошли. Лена поговорила с сестрой по телефону, и они остались в номере. К обеду всё-таки пришлось выйти для воссоединения с родственниками. Потом были сборы вещей, сдача номера. Николай бродил по территории санатория и мысли его путались...

Вечером поехал провожать их на вокзал. Купил цветы у говорливой торговки. Посадил всех в поезд. Не было ни слёз, ни рыданий, только скромный поцелуй в щёчку и последнее: «Я позвоню...». Выйдя из вагона, он вспомнил свой юношеский стишок:

«...Закрылась дверь последнего вагона

И скорый поезд набирает ход,

А ты стоишь и смотришь вслед с перрона,

Ведь мы расстались даже не на год...»

Вот только на перроне теперь остался он. Долго ещё стоял, всматриваясь в пустоту, наступившую вслед за ушедшим поездом.

«Какого чёрта? Что мне тут делать? Я не хочу в этот санаторий! Я не могу больше видеть этого моря!»! Он вдруг рванулся в помещение вокзала.

– Девушка, один билет до ..., на ближайший поезд!

Купленный на эмоциях билет не может быть гарантом досрочного отъезда из курортного местечка, или может? Утро вечера мудренее...

На картошку!

В «Застойные» времена прошлого века, работал я в одном из многочисленных НИИ нашего города. Так повелось, что каждый городской район вёл шефство над каким-либо районом пригорода, и периодически помогал ему в сельскохозяйственных работах. А поскольку шефы могли помогать своим подшефным только рабочей силой, вот и пришла в наше учреждение разрядка, откомандировать людей для весеннего посева картофеля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.